

О.ГЕНРИ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК ПО- КОВБОЙСКИ

Часть сборника: Рождественские истории (сборник)

О. Генри

Рождественский подарок по-ковбойски

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7595025
Рождественские истории: Э; Москва; 2017*

Аннотация

«По достижении двадцатилетнего возраста искусительный плод вполне созрел. Если вам случалось бывать хотя бы на расстоянии пятидесяти миль от ранчо Сэндаун, вы наверняка слышали об этом чуде. Густые, черные как смоль волосы, темно-карие глаза, а смех точно журчание ручейка, бегущего по прерии. Имя – Розита Мак-Меллэн. То была дочь старого Мак-Меллэна, владевшего овечьим ранчо Сэндаун...»

О. Генри

Рождественский подарок по-ковбойски

По достижении двадцатилетнего возраста искусительный плод вполне созрел. Если вам случалось бывать хотя бы на расстоянии пятидесяти миль от ранчо Сэндаун, вы наверняка слышали об этом чуде. Густые, черные как смоль волосы, темно-карие глаза, а смех точно журчание ручейка, бегущего по прерии. Имя – Розита Мак-Меллэн. То была дочь старого Мак-Меллэна, владевшего овечьим ранчо Сэндаун.

Однажды в Сэндаун прибыли верхом на двух золотисто-рыжих конях – или, выражаясь точнее, на облезлых гнедых – два претендента на руку Розиты. Один из них был Мэдисон Лэн, а другой Малыш с Фрио. Но в это время его не звали Малышом с Фрио: он еще не успел тогда заслужить честь особой клички. Имя его было попросту Джонни Мак-Рой.

Не подумайте, однако, что эти двое были единственными обожателями прекрасной Розиты. Дюжина других коней грызла удила, стоя у длинной коновязи ранчо Сэндаун. Множество глаз при виде Розиты становились совсем бараньими, хотя и не принадлежали баранам Дана Мак-Меллэна. Но Мэдисон Лэн и Джонни Мак-Рой далеко обогнали остальных

участников этого гандикапа, а потому мы и заносим их имена в летопись.

Мэдисон Лэн, молодой скотовод из округа Нуэсес, остался победителем. Он и Розита были обвенчаны в день Рождества. Вооруженные, веселые, шумные ковбои и овчары, великодушно отложив свою наследственную взаимную ненависть, объединились, чтобы общими силами отпраздновать торжество.

На ранчо Сэндаун стон стоял от револьверных залпов, от блеска сбруи и глаз, от поздравлений и приветствий.

Но когда свадебное торжество достигло крайнего предела веселья, вдруг появился Джон Мак-Рой, мрачный, терзаемый ревностью, похожий на одержимого.

– Я вам сейчас поднесу рождественский подарок! – завопил он громовым голосом и встал у дверей, держа в руках револьвер 45-го калибра. Уже в те времена он имел репутацию необычайно меткого стрелка.

Первая его пуля сразила мочку правого уха у Мэдисона Лэна. Дуло револьвера отклонилось на один дюйм. Следующий выстрел поразил бы новобрачную, если бы у овчара Карсона винтики в голове не оказались хорошо смазаны и не работали бы так быстро. Садясь за стол, гости, соблюдая хороший тон, повесили свои револьверы, вместе с поясами, на гвозди, вбитые в стену. Но Карсон с необычайной быстротой швырнул в Мак-Роя свою тарелку с жареной дичью и картошкой и испортил ему прицел. Вторая пуля сбила толь-

ко белые лепестки с цветка – «испанского кинжала», – торчавшего фута на два над головой Розиты.

Гости вскочили со стульев и бросились к оружию. Стрелять в жениха и невесту во время свадьбы показалось им поступком крайне бестактным. Через шесть секунд двадцать пуль должны были устремиться к Мак-Рою.

– В следующий раз я прицелюсь точнее, – прокричал Джонни, – и этот следующий раз настанет!

И он быстро скрылся.

Карсон, овчар, движимый после успешного опыта с брошенной тарелкой жадной новых подвигов, первым добежал до двери. Пуля Мак-Роя из темноты уложила его.

Тогда ковбои бросились за ним, взывая к мщению; вообще убийство овчара не всегда вызывало их возмущение, но в данном случае оно определенно шло вразрез с правилами приличия. Карсон не был виноват ни в чем; он не принимал никакого участия в обряде бракосочетания; и никто даже не слышал, чтобы он декламировал гостям рождественские гимны.

Но вылазка не удалась. Мак-Рой был уже в седле, он несся вскачь, осыпая своих преследователей громкими проклятиями, угрозами, и скрылся в спасительном кустарнике.

В ту ночь и родился Малыш с Фрио. Он стал «вредным элементом» этих краев. Отвергнутый мисс Мак-Меллэн, он сделался опасным бандитом. Когда полицейские явились арестовать его за убийство Карсона, он убил двоих из

них и затем стал вести жизнь отщепенца. Он научился удивительно хорошо стрелять с обеих рук. Иногда он появлялся в городках и поселках, затевал ссоры по малейшему поводу, укладывал своего противника и смеялся над блюстителями закона. Он был так хладнокровен, так беспощаден, так проворен, так бесчеловечно кровожаден, что его и ловить побаивались. Когда наконец его застрелил маленький однорукий мексиканец, который сам еле жив был от страха, на совести Малыша с Фрио было уже восемнадцать убийств. Около половины жертв он уложил в честном поединке, где исход зависел от быстроты выстрела. Другую половину он умертвил просто из жестокости, ради одного удовольствия.

Много существует на границе рассказов о его дерзкой храбрости и отваге. Но он не был из породы тех головорезов, у которых все-таки бывают минуты великодушия и даже кротости. Уверяют, что он никогда не знал милосердия к людям, вызвавшим его гнев. Однако в этот и в каждый день Рождества как-то хочется отдать по возможности каждому должное за всякую искру добра, которая могла бы в нем оказаться. Если Малыш с Фрио совершил когда-нибудь доброе дело, если в сердце его шевельнулось когда-нибудь великодушное чувство, это случилось именно в день Рождества. И вот каким образом.

Человеку, потерпевшему неудачу в любви, никогда не следует вдыхать аромат цветов ратамы. Они опасно освежают память.

Однажды в декабре в округе Фрио ратама стояла в полном цвету: зима была теплая, точно весна. Мимо ехал Малыш с Фрио со своим сообщником по убийствам Франком Мексиканцем. Малыш остановил своего мустанга, но остался в седле, задумчивый и нахмуренный, зловеще прищурился глазами. Слабый, сладкий аромат затронул какие-то фибры в нем, проникнув сквозь сковывавшую его броню из льда и железа.

– Не понимаю, о чем это я думаю, Мекс, – сказал он своим обычным мягким и певучим голосом. – Как это я мог забыть про один рождественский подарок? Завтра ночью поеду и пристрелю Мэдисона Лэна в его собственном доме. Он отбил у меня мою девушку. Розита вышла бы за меня, не встань он между нами. Сам не понимаю, как я это откладывал до сих пор.

– А, ерунда, Малыш! – сказал Мексиканец. – Не говори вздора. Ты знаешь, что завтра нельзя будет и на милю подъехать к дому Мэда Лэна. Я видел третьего дня старика Аллена, и он сказал мне, что у Мэда на праздник будут гости. Помнишь, как ты испортил торжество в день свадьбы Мэда и какие посылал угрозы? Неужели ты думаешь, что Мэд Лэн не держит теперь ухо остро, ожидая, что некто мистер Малыш может незвано появиться среди гостей? Тошно слушать, Малыш, такие речи.

– Я поеду, – спокойно повторил Малыш, – на праздник к Мэдисону Лэну и убью его. Мне давно надо было сделать это. Знаешь, Мекс, ровно две недели назад я видел во сне,

что я женат на Розите, а не он, и мы жили вместе в доме, и я видел, как она мне улыбается... И – проклятье, Мекс! – она досталась ему! Но зато он будет моим, да, сударь, и тоже в канун Рождества.

– Есть ведь и другие способы самоубийства, – посоветовал Мексиканец. – Почему бы тебе просто не отдаться в руки шерифу?

– Он будет моим, – повторил Малыш.

Канун Рождества наступил; воздух был мягок, точно в апреле. Быть может, ощущался отдаленный намек на мороз, но он только пощипывал, как сельтерская вода; в воздухе носился легкий запах поздних полевых цветов и мескитовой травы.

Вечером все пять или шесть комнат ранчо ярко осветились. В одной из комнат горела елка: у Лэнов был трехлетний сынишка, и ожидалось человек двенадцать или более гостей из ближайших ранчо.

Когда стемнело, Мэдисон Лэн отозвал в сторону Джима Бэлчера и еще троих ковбоев, служивших у него на ранчо.

– Слушайте, ребята, – сказал Лэн, – держите ухо востро. Ходите вокруг дома и наблюдайте зорко за дорогой. Все вы знаете Малыша с Фрио, как его теперь зовут; если вы его увидите, откройте по нему огонь без всяких предисловий. Я не очень-то боюсь, что он явится сюда, но Розите страшно. Она боится этого каждое Рождество с тех пор, как мы женаты.

Вскоре приехали гости, в таратайках и верхом, и начали

располагаться в комнатах. Вечер проходил весело. Гости с удовольствием ели отличный ужин, приготовленный Розитой, и похваливали хозяйку, а затем разбрелись группами по комнатам и по широкой галерее, курия и болтая.

Елка, разумеется, привела в восторг малышей; особенно они обрадовались, когда появился рождественский дед с великолепной белой бородой, одетый в белый мех, и начал раздавать игрушки.

– Это мой папа, – объявил шестилетний Билли Сэмпсон, – я видел, как он одевался.

Бэркли, овчар, старый приятель Лэна, остановил Розиту, когда она шла мимо него по галерее, где он сидел и курил.

– Ну, что же, миссис Лэн, – сказал он, – вы, надеюсь, перестали теперь каждое Рождество бояться этого парня, Мак-Роя, не правда ли? Мы как раз толковали об этом с Мэдисоном.

– Почти, – улыбаясь, ответила Розита, – но я все-таки иногда нервничаю. Никогда не забуду я этого ужаса, когда он чуть не убил нас.

– Это самый безжалостный негодяй в мире, – сказал Бэркли. – Всем жителям округа следовало бы подняться и устроить на него облаву, как на волка.

– Он совершил ужасные преступления, – сказала Розита, – но... я... не знаю. Я думаю, что в каждом человеке где-то в глубине души таится крупица добра. Он не всегда был злодеем – я это знаю.

Розита вышла в коридор между комнатами. Рождественский дед, в бороде и мехах, как раз проходил мимо.

– Я слышал в окно, что вы говорили, миссис Лэн, – сказал он. – В тот момент я как раз опустил руку в карман, чтобы вынуть рождественский подарок вашему мужу. Но вместо этого я оставил подарок вам. Он там, в комнате направо.

– Спасибо, милый дедушка, – весело сказала Розита.

Она вошла в комнату, а рождественский дед вышел на свежий воздух.

В комнате направо она нашла лишь Мэдисона.

– Где же мой подарок? Дед сказал, что оставил его здесь для меня, – удивилась Розита.

– Я не видел ничего похожего на подарок, – смеясь, сказал ей муж, – разве только меня он назвал подарком?

На следующий день Габриэль Родд, старший ранчо «Хо», вошел в почтовую контору в Лома-Альта.

– Ну вот, Малыш с Фрио получил наконец свою порцию свинца, – сказал он почтмейстеру.

– Да неужели? Каким образом?

– Отличился один из мексиканцев-овчаров старого Санчеса. Подумайте только: Малыш с Фрио убил овчаром! Пастух увидел около полуночи, что он едет мимо лагеря, и так перепугался, что схватил свой винчестер и выпустил заряд. Но всего забавнее то, что Малыш оказался наряженным в одеяние рождественского деда. Подумайте только, бандит

вздумал разыгрывать Санта-Клауса!